

Синяя Титица

ЭЙЛИН
ФАРЛИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Айлин Фарли

Синяя птица

<https://litres.ru/74042546>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лукас.

Многие зовут меня «Умницей» за предприимчивость и неординарный подход к решению сложных задачек. У меня необычная профессия, связанная с продажей проблемной недвижимости. И, поверьте на слово: ради денег и репутации лучшего в своем деле, я пойду по любым головам...

Ого! Звонит знакомая риэлтор. Значит, впереди новое задание? А может, мне попадется «Синяя птица»? Да, таким кодовым словом я называю редкие объекты на рынке жилья.

Эмилия.

Я оказалась близка к личной катастрофе. Денег на счету так мало, что, видимо, придется голодать.

Мой маленький закрытый мир скоро перестанет существовать. И я не хочу, не желаю думать о том, где окажусь. На улице? Или в приюте для бездомных?

Разницы нет, если честно. Жизнь давно потеряла смысл и значение. Я просто прозябаю и вообще не строю никаких позитивных планов на будущее.

Но, что это за звук?

Кто-то кричит, тарабаня во входную дверь?

Черт, последнее, что мне сейчас нужно — это незваные гости.

Содержание

Умница	5
Эмилия	13
Умница	16
Эмилия	21
Умница	24
Эмилия	26
Умница	29
Эмилия	32
Умница	38
Эмилия	47
Умница	52
Эмилия	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Синяя птица

Умница

— Хм, — поджимает губы Люси. — Никогда раньше не слышала о такой профессии.

Она не первая, кто так реагирует. Девушки, с которыми я часто знакомлюсь, всегда недоумевают. Потому что если ты управляющий в крупной компании, то тут с годовым доходом всё плюс-минус понятно. Если ты работник кафе или магазина, то тоже яснее ясного. А вот моя работа редкая. Я — менеджер по предпродажной подготовке в сфере недвижимости. Такая вот длинная формулировка выходит. И вот теперь надо опять расшифровывать, бля. Причем так, чтобы описание моей работы звучало как можно солиднее. Так больше шансов затащить эту Люси в постель.

— Ну, если очень простыми словами, то я готовлю квартиры, дома и прочие помещения для аренды или продажи. Ну и делаю рекламные тексты и профессиональные фото для объявлений в сетях. Потом предоставляю весь пакет заказчику. А он, клиент, не тратит время, получая выгоду в виде экономии самого ценного — времени.

— Всё равно не очень ясно, — Люси то ли глуповата, то ли сейчас пытается догадаться, сколько же я зарабатываю и стоит ли меня рассматривать в кандидаты на крепкие отно-

шения со всеми вытекающими.

Честно, я уже в ней разочаровался. Мне нравятся вдумчивые люди, которые задают вопросы и умеют экологично и качественно поддержать беседу. Ну, ладно, раз уже познакомился и сижу сейчас с ней за стойкой, то придется терпеть. Мало ли, может хоть в плане секса что-то перепадет, если продолжить ее угощать «Просекко».

— Ну смотри, давай на примере, — переплетаю пальцы. — Допустим, мне звонит риэлтор и говорит, что ему нужно продать квартиру или офисное помещение. Я выезжаю на объект, оцениваю, как его привести в порядок. Если нужно, заказываю клининг. После этого начинается самое интересное. Мне нужно довести помещение до ума. И это, поверь, часто задача не из простых. Где-то нужно, так, по мелочи закупить, например стильные пледы, вазы, цветочные акценты добавить, а иногда...

Черт, я как-то витиевато объясняю, не получается коротко и просто, потому что моя работа действительно довольно разнообразная, зависящая от множества факторов и вводных данных.

— А иногда бывает куда сложнее. Вот, например, представь: в центре города есть дорогушая квартира. В доме со старинными фасадами и историей. И в той квартире жил старей-престарей дедушка. Как ты понимаешь, ремонт он не делал годами, накопил кучу вещей и вообще не следил за тенденциями в современном дизайне. И вот, этот дедушка

умер, а квартира досталась его взрослым детям. Эти дети решают продать имущество, чтобы купить что-то поновее, своим детям или себе. Приходят, значит, они туда, оценивают обстановку и за голову хватаются. Потому что там куда ни плюнь, везде завалы. А у них-то руки чешутся побыстрее продать жилье, чтобы собственные мечты воплотить. Например, купить дом у моря-океана. Но есть преграда в виде тонн хлама, обветшалых обоев и скрипящего паркета. И в эти проблемки как зароешься, так и увязнешь. Разумеется, это вызовет у наследников досадное раздражение.

Хм, бывает ли вообще раздражение досадным? Или лучше звучит: раздраженная досада? Так, ладно, я сбился с мысли. Надо выпить еще пива, а то в глотке пересохло от долгого говорения. Да и Люси, кажется, пора освежить бокал. Делаю знак бармену.

— Повтори, приятель, — киваю на стаканы. — Так вот, дорогая Люси. Наследники начинают паниковать и совершенно не знают, за что хвататься. Дел ведь дофига на поверку, оказывается. Причем масштабных. Это тебе не пару коробок вывезти. А знакомый риэлтор уже оценил жилье, внутреннюю обстановку. И, разумеется, сказал неутешительные слова, что на цену довольно сильно повлияет ряд факторов. А особенно то, что квартира в прямом и переносном смысле «дедушкина». Что, да, в самом историческом доме цены высокие. И подобную покупку может совершить какой-то очень состоятельный человек. И этот богач побрезгует даже захо-

дить в данное пространство. Что он, скорее всего, выберет что-то другое. Загородный дом или апартаменты с видом на Риджент-парк. И вот тут начинается самое интересное, — я потираю руки и ерзаю, настолько самому нравится рассказывать. — Как ты думаешь, кому позвонит риэлтор перед тем, как выставить жилье на продажу? — решаю вопросом чуть прервать монолог, а то не красиво как-то: я болтаю без умолку, а Люси лишь кивать успевает.

— Тебе позвонит? — лицо Люси наконец-то отображает мыслительный процесс, да, она уловила, что и как. Ей любопытно. Что ж, пора продолжить вещать, насколько ценна и важна моя профессия в чертовом Лондоне и его окрестностях, где люди хотят приходить на всё готовенькое и чистенькое. Ну или хотя бы относительно пригодное, если с баблом не густо.

— Всё верно, — киваю сперва ей, а затем и подошедшему бармену с напитками. — Тут в дело вступает гений и маг Лукас Тёрнер. Опытным глазом я оцениваю масштаб бедствия. Рассказываю, что им, клиентам, не нужно теперь беспокоиться и тратить время-нервы. Что они могут спокойно работать, не отвлекаясь на «мелочи», а вечерами пить джин или чай, продолжая детализировать свою мечту о доме у моря-океана. А я, поверь, тонкий психолог и знаю, на какие струны души нажать. И вот, они кивают, соглашаются заплатить за эту услугу. К тому же, я им даю большой бонус: они оплатят мою работу и расходы на чистовой ремонт после то-

го, как задорого продадут квартиру. Им не надо судорожно искать крупную сумму или брать кредит в банке. Продали быстро и выгодно? Всем хорошо. Им, мне, риэлтору, — вытираю пивную пену с губ салфеткой. — Продадим мы квартиру богатому чуваку, который тоже не хочет париться и ковыряться в мелочах и в старом барахле. А я, короче, с детства люблю ковыряться в вещицах. В том числе, искать среди хаоса и барахла бриллианты-раритеты... Но это уже другая история и отдельное направление, — съезжаю с ответственности, чтобы случайно не выложить Люси тонкости работы. Мало ли еще расскажет кому-то, и завтра таких, как я, будет точно грязи, а мне конкуренты ваще не нужны.

Люси отхлебывает «Просекко», и я вижу, что она готова дальше вникать. Потому что я явно неплохо зарабатываю. Не космические деньги, но на жизнь хватает. На мне ведь хорошая одежда. Я отражаю тот самый неброский лондонский стиль, который так уважается и ценится в мире. К тому же я угощаю ее дорогим вином. Так что пусть складывает свой пазл, увеличивая мои шансы на потрапушки. Главное, качать дальше, а уж ночью-то я точно не подкачаю. Девчонке понравится, гарантирую ей качественные два-три захода. Я во всем гребаная машина с установленной программой перфекционизма.

— Так на каком месте я остановился... — ищу в голове потерянный ход повествования. — Ах, да, в дело вступает Лукас Тёрнер. Короче, я нанимаю людей, чтобы те вывезли

хлам на переработку — это первое. Второе, — начинаю загибать пальцы. — Затем приходят маляры и прочие рабочие. Допустим, если пол в квартире дубовый, то мы его в порядок приводим, а если полы говно, то демонтируем. Кладем инженерную доску или что-то приличное, в зависимости от архитектуры самого дома... В общем, готовим плацдарм для дизайнера, которого наймет богач. Они там уже сами пусть колдуют. Если в доме оказываются какие-то раритеты, я их не трогаю. Наследники пусть себе забирают как память. Но, бывает, что я предлагаю их оставить для антуража и акцентов в квартире. Это самый кайф, когда старинные вещи становятся частью видоизмененного пространства... Но, вообще, это чисто как пример. Ко мне и киношники обращаются, если им надо помещение для съемок подготовить. И всякие разные люди звонят. Потому что каждый должен заниматься своим делом. А мое дело крутое. Я увеличиваю ценность объектов и с этого получаю свой процент. Ну, примерно так, дорогая Люси, — беру ее за руку.

— Интересная у тебя работа, — благосклонно кивает она. — Но уж очень, видимо, суетная. Многозадачная.

— Да, — соглашаюсь. — Меня кормят как ноги, так и соображалка, тут ведь нужно кучу факторов учитывать. Но особенно важно не тянуть с реализацией. Самое главное, провернуть всё быстро, чтобы наследники не устали ждать, быстрее пришли к своей мечте после продажи. Она, сделка, должна пройти легко и оперативно, понимаешь? В этом еще

одна ценность. Так что, да, работы хватает. Иногда и пообедать нормально некогда... Слушай, а давай на днях пообедаем? — специально забегаю вперед, чтобы ее головка не закичивалась на сегодняшнем вечере и его продолжении.

— Конечно, — кивает Люси, и ее лицо становится более расслабленным.

Правильно, этим предложением я ей как бы намекнул на то, что я не ходок, а нацелен на серьезные отношения. Но если по-честному, то нет, не готов. Не созрел как-то. А может, мне просто не попалась нормальная. Девчонка, которая не деньги мои станет считать, а будет кем-то типа единомышленницы. Мне человек нужен со сходными интересами. Который с удовольствием будет гонять со мной по барахолкам, к примеру. Обожаю барахолки! Но ваще-то, если честно, я заядлый холостяк и не гоняю мысли о подобном. Так, иногда только проскакивают...

Что?

В кармане завибрировал телефон. Кому я, черт возьми, понадобился в такое позднее время?

Открываю сообщение в мессенджере. Пишет риэлтор Та-тиана.

«Лукас, умница мой, срочно! У нас уникальный потенциальный заказ. Заработать можем много, и без тебя не обойтись. Но есть нюансы. Завтра утром приеду. Сильно не напивайся»

Вот проклятье!

Это что, значит, мои планы на много-секса-ночью сейчас в трубу полетели? Выспаться — это ведь приоритет, если завтра важная встреча. Эх, жаль, перепихона не будет, но деньги важнее, разумеется. Придется отложить план с затаскиванием Люси в постельку на потом. Пусть думает, что я не тороплюсь и секс для меня не на первом месте в отношениях. Всегда коротких, и которых отношениями-то сложно назвать. Так, всего лишь легкие и ни к чему не обязывающие встречи. Чаще всего одноразовые.

А расстановка приоритетов у меня такая: первое место — работа и деньги, второе место — секс... а на третьем... ну не знаю, всё остальное, наверное.

Эмилия

— Оставьте на пороге, пожалуйста! — кричу курьеру и вздрагиваю от звука собственного голоса.

Да, тишина в доме лишь изредка нарушается. Например, сдавленным визгом чайника на плите. Или скрипом резного дубового шкафа. Или, к примеру, гулками угрозами старой канализации. Она то и дело недовольно и предупреждающе бурчит о том, что ее песенка вот-вот будет спета. Что ее прорвет, и мое место обитания превратится в мутное озеро с кучей испорченных вещей. И я, мол, отчасти сама виновата в том, что довела коммуникации в доме до такого состояния. Что я не вызвала мастеров: сантехника, электрика, это как минимум. Но я оправдываюсь тем, что на это всё у меня нет денег. А денег у меня нет, потому что нет работы. Ну а работы нет, потому что я болею. Вот такой печальный герб висит над парадной дверью в мой маленький фамильный особняк...

Ладно, итак. Отработанная схема по добыче продуктов. Первое — удостовериться, что курьер ушел. Второе — надеть солнечные очки и накинуть капюшон толстовки. Третье — набрать побольше воздуха, досчитать до двенадцати и быстро выскочить на порог. Четвертое — не смотреть по сторонам, сфокусировать зрение на пакетах. Пятое — с закрытием двери быстро утихомирить сердце, прервав разгон

панической атаки.

Ничего, вроде бы, сложного, а я каждый-каждый раз холодею от этого неприятного вынужденного ритуала...

Зажмуриваюсь и обнимаю себя за плечи. Нет, я пока что не могу выйти. Просто не могу и всё! Но ведь курица, о которой я так мечтала, может стухнуть? Будет очень обидно...

По щекам опять, снова льется вода. Ну почему всё так?! Почему деньги так быстро заканчиваются? Я ведь итак сэкономила на всём.

Почему мамы и папы нет?!

Как они могли покинуть меня, оставить одну? Как я не уследила за своим здоровьем? Как позволила болезни медленно, потихонечку вползти в мой разум и закрепиться там железным тугим болтом, который не открутишь? Как я докатилась до того, что задолжала за коммуналку космическую сумму?

И теперь...

Теперь вынуждена продать дом! Место, которое единственное мое в этом мире. Безопасное. Понятное. Привычное, в хорошем смысле этого слова. Да, нечего тут оправдываться. Всё почти кончено. Риэлтор найден. И очень-очень скоро...

Я не знаю, честное слово не знаю, как жить дальше!

А может повеситься? А может вены порезать? Может включить газ?

Но нет, я не могу представить себя в виде воняющего рас-

пухшего трупа, который будут отковыривать от кровати. Или он будет разваливаться, пока его снимают с виселицы. И приехавших людей-медиков будет выворачивать наизнанку...

Фу!

А может, к тому времени как полиция вскроет дом, от меня вообще скелет останется? Это лучше, чем гнилое мясо, конечно, не так тошно и противно, но всё равно перед этим мое тело сожрут черви.

Рвотный ком подкатывает к горлу. Я сгибаюсь, силясь не блевануть. Нет, я уже не хочу жареную курицу и сериал «Красный карлик» на видео-кассетах. Я хочу просто исчезнуть.

Хлоп!

И нету Эмилии Гастингс. Прожила двадцать два года, и то хорошо, достаточно. Тем более, от нее ни проку, ни пользы для общества. Так, просто тень. Никому не интересная личность. Тихо перемещается себе по безлюдному дому, где когда-то было уютно и весело. Тут слышались голоса. Звуки, интонации, которые почти стерлись из памяти, и остались лишь смутные, но добрые образы. Удивительно, как быстро человек может забыть лица и голоса. Наверное, так происходит потому, что помнить слишком...

Больно!

Умница

Татиана всегда бойкая. Она привыкла говорить громко. Некоторым может показаться, что она нахрапистая, даже довлеющая. Но, на самом деле, эта славянская женщина хорошая, отзывчивая, и я смело могу назвать нас приятелями. Да, пусть мы не пьем вместе пиво после сделок и не дружим закадычно. Всё наше общение сводится к деловому руслу, но и перекинуться с ней словечком я не против. Мы с ней оба моторы, хоть и в разной конфигурации.

Вот она, как всегда приехала без сильных опозданий. Я, из-за того что выспался, пригнал еще раньше. Наверное, потому так сделал, что меня щекочет любопытство от ее вчерашнего послания, которое очень интригует мою кредитку. Много денег на счету? Но и какая-то замысловатая работа? Что ж, я не против сложных и новых задачек. Мне они все капают в резюме и работают на репутацию...

— Привет, Умница! — машет Татиана, одетая в красное платье-балахон.

Умница.

Мне нравится это прозвище. Оно настолько милое, отражающее ее признательность и похвалу, что я каждый раз невольно улыбаюсь и млею.

— Давай, выкладывай, — обнимаю ее за пухлые плечи, придавая тону напускной деловитости. — Что там за синяя

птица у нас замаячила?

«Синяя птица» — так Татиана называет дорогие объекты или богатых клиентов. Не знаю, почему она их так зовет. Но для нас оно стало неким кодовым словом.

— Так, — Татиана присаживается за столик уличного кафе. — Есть один объект. Охрененный, скажу я тебе! Пригородный особнячок начала восемнадцатого века. Один собственник. Наследников нет. Как тебе такое?

— Как мне? Да круто, мать его, — я приподнимаю бровь и щелкаю языком. — Но ведь есть какой-то подвох, так ведь? Не томи, Татиана, у меня уже руки исчезались. Давненько мы не ловили синих пташек.

— Да, Умница, большие дела никогда не бывают без подводных камней. Смотри, что мы имеем, — Татиана кладет ладони на стол. — В доме живет... затворница.

— Охереть! — не сдерживаюсь я. — Это что-то новенькое.

Мне мгновенно представляется старая-престарая бабка. Седая, взлохмаченная, с сумасшедшими глазами и совершенно поехавшая головой. С длиннющими ногтями и в оборванной одежде. Короче, на вид — самая настоящая ведьма из лесной глухомани или с болота.

— Да, эта затворница скопила долги по коммунальным платежам. И теперь хочет продать дом. Но она никого не пускает внутрь. Мобильный и интернет отключены за долги. Фото она сделать не может... Я с ней через дверь общалась,

прикинь? Увидела приклеенную кое-как бумажку на двери: «Продается» и пришла на порог... Короче, не суть важно, в общем, попасть в особняк до продажи невозможно. А я, черт подери, не знаю, как быть. Это ведь пока ее собственность, а что внутри — одному богу известно. Какой-то кот в мешке, понимаешь? Как я вот должна найти потенциальных покупателей, если есть фотки только с улицы? Как им дом-то посмотреть? Только фасады у нас на руках имеются. Короче, Умница мой, перед тобой сложная задачка: попасть в дом, оценить, что там и как, опытным взглядом. Сделать фото. А там дальше видно будет.

— Но, почему я? — огорошено спрашиваю, чувствуя себя каким-то школьником, которому дали дополнительное задание или велят поучаствовать в олимпиаде.

— Я пробовала договориться с ней, честное слово. Но эта затворница сказала, что болеет и никого не пустит. И почему-то я уверена, что у нее не ковид, не грипп и не ветрянка. У нее что-то с головой не так. Что-то по психиатрии. И, кстати, это еще одна существенная проблема. Я ее пробила по базе. В списке стоящих на психиатрическом учете ее нет. Но вот на сделке с нотариусом может выясниться, что у нее неустановленный диагноз. Или, чего хуже, ее потом еще признают невменяемой, и до свидания. Короче, всё может сорваться. Она сначала продаст дом, а потом передумает. Получит деньги, потратит их, а затем возьмет, да и пойдет в суд доказывать, что в момент сделки была в невменяемом состоя-

нии. В общем, Умница, ты ведь мастер договариваться, прямо прирожденный психолог. Попробуй-ка выйти с этой дамочкой на контакт, а? Ну пожа-а-алуйста! — Татiana складывает руки на пышной груди.

Ее комплимент насчет моего умения найти к людям подход подкупает, если честно. Да и вообще я человек азартный и не боюсь сложностей. Но, с другой стороны, я могу потратить самое ценное — время. Профукать его впустую на дипломатию и уговоры. И если дело закончится фиаско, то еще и обидно будет ужасно. А проигрывать ох как терпеть не могу!

— Ладно, давай адресок, — отмахиваюсь от ее умоляющего взгляда голодного щенка.

— Ура! — кричит Татiana. — Погоди, Лукас, сейчас фото покажу, и ты точно не дашь заднюю.

Она лезет в телефон.

— Вот, зацени.

— Обалдеть! — выдаю я не своим, каким-то севшим голосом. — Слушай, да это и правда синяя птица!

Подобных милых, уютных, классических особнячков не так уж и много. Точнее, они есть, но хрен кто их продаст. А этот еще и с элементами модерна. Прикольными барельефами, округлостями окон и кованых решеток. Тот, кто проектировал этот дом, точно вложил туда душу и фантазию. Короче, реально эксклюзив. Татiana не обманула.

Ну и я уже решил, точно решил попасть в дом. Потому что

с виду он ухоженный, а внутри могут быть разные раритеты.

Ох, как же соблазнительно!

Эмилия

— Мисс Гастингс, э-э-эй!

Зажмуриваюсь и вдавливаю вспотевшие ледяные ладони в ушные раковины.

Кто-то орет! Кто-то долбит в дверь. Кто-то хочет вторгнуться в мое место безопасности. И это не та риэлтор, у которой голос звучный, напористый, но не такой жесткий и бесчеловечный. Этот кто-то мужского пола.

А в голове рисуется образ бандита. Какого-то криминального типа, который ворочает разные темные делишки. Лицо сплошь в шрамах от поножовщин. Глаза прозрачные, наглые. Лицо уродливое, беспринципное. И этот страшный мужик пойдет на всё. Если что, может даже в дымоход залезть...

Кошмар!

Нет, я не в безопасности здесь. Я настолько испугана, что даже язык прилип к небу. И я не в силах не то что крикнуть решительное: «Убирайтесь вон! Это частная территория!», а даже прошептать слова вслух не в состоянии.

— Слушайте, мисс, я знаю, что вы там. Татиана сказала, что вы точно дома. Поэтому, если надо, я тут лагерь разобью. Я, поверьте, терпеливый. И времени у меня вагон, а вот у вас его не так много. Так ведь? — басит это чудовище, снова тарабаня в мою несчастную дверь.

Я плачу, прикрывая рот. Я рыдаю! Потому что он с же-

стокостью и цинизмом произнес то, что действительно неизбежно. Ведь мои часики тикают, приближая к концу света. К часу, когда...

Боже!

— И поверьте, мы с Татианой лучшие в Лондоне. Мы с ней постараемся сделать так, что вы не останетесь на улице. Слышите? Мы поможем...

Поможете мне с чем?!

С апокалипсисом? Вы выкопаете мне свежую могилу?!

Нет, это чудовищно! Они с этой Татианой — два могильщика. Которые пытаются втюхать еще живому человеку свои ритуальные услуги. Место на кладбище, модель гроба и само надгробие. А вот когда клиентки не станут, то они мастерски всё организуют. По всем канонам...

Иисусе!

Да, потому что переезд в любое другое место — для меня это хуже смерти! И я отказываюсь думать об этом дне и часе!

Отказываюсь!

Отказываюсь!

От-ка-зы-ва-юсь!

— Короче, поможем во всем. А может быть, вы сейчас чего-то хотите, а? — доносится смягчившийся голос бандита. — Неподалеку есть кофейня. Там пекут шикарные булочки с пеканом. А может, вы больше любите шоколад?

Мой разум фиксируется на слове «шоколад», отбрасывая подальше тяжкие большие думы. Прислушиваюсь к желудку.

Хочет ли он плитку шоколада?

Да, с лесным орехом. Молочный. Тот, который мама с папой всегда покупали на Рождество. Как же он называется? Не помню...

Всхлипы, которые я не могу унять, мешают думать.

Умница

— Мисс Гастингс, э-э-эй! — я решил взять быка за рога и не церемониться.

Время — деньги.

И нехрен рассусоливаться с этой бабкой-ведьмой. Я решил сходу устроить ей что-то типа шоковой терапии. Слышал, такое работает, когда прочие, более щадящие методы лечения не действуют. Да и, в конце концов, я не нанимался в психиатры. Поэтому буду долбить в дверь. Буду требовать пустить меня. К тому же у меня образовалось это дурацкое свободное время. Окно нарисовалось. Потому что на других заказах всё ровно. Нет смысла контролировать рабочих, там четко и по плану.

Эх!

И ведь, как назло, барахолка сегодня закрыта. Поэтому я решил включить режим наглого козла, который не сдвинется с места, пока своего не добьется.

— Слушайте, мисс, я знаю, что вы там. Татиана сказала, что вы точно дома. Поэтому, если надо, я тут лагерь разобью. Я, поверьте, терпеливый. И времени у меня вагон, а вот у вас его не так много. Так ведь? — агрессивно стучу мысом ботинка, попутно намекая старухе на долги, суды и возможное выселение. — И, поверьте, мы с Татианой лучшие в Лондоне. Мы с ней постараемся сделать так, что вы не остане-

тесь на улице. Слышите? Мы поможем...— осекаюсь, чуть не произнеся слово «переезд», которое эту затворницу точно не порадует. — Короче, поможем во всем. А может быть, вы сейчас чего-то хотите, а? — перехожу на торг для контраста «злой-добрый полицейский». — Неподалеку есть кофейня. Там пекут шикарные булочки с пеканом. А может, вы больше любите шоколад?

Прислушиваюсь, прильнув к двери. Дверь, блин, массивная. Но, кажется, там, за ней, кто-то сдавленно всхлипывает...

Черт!

Кажется, мои щеки наливаются румянцем. Такое редко бывает, потому что я почти никогда не испытываю... блин, чертов стыд и муки совести. Эта старуха плачет. А я, увлекшись шоковой терапией, как-то забыл, что для нее это большой стресс ваще-то.

Да, это не мое дело. Не я скопил долги. Но всё равно как-то не по себе от выбранной тактики... Я никогда не был прощательным человеком, честно. Мне мало дела до чувств других. В конце концов, на планете миллиарды людей. И если всех жалеть, то от себя ничего не останется. А мне моя нервная система очень дорога.

Эмилия

Бандит, кажется, ушел?

Странное ощущение...

Даже немного обидно. Ведь он клялся донимать меня, пока не добьется желаемого. Получается, он не держит слово и всего лишь балабол?

Но ведь это прекрасно!

Осада снята, и я могу позвонить в полицию... Нет! Не могу! Телефон не оплачен из-за чертовых долгов, а денег с родительского депозита-наследства кот наплакал. На еду скромную осталось разве что...

Нет, это ужасно!

Я должна смиренно ждать конца света, зная, что он неминуемо настанет. И всё, что остается делать — это влачить жалкое существование вместо того, чтобы взять и оторваться по полной. Потому что, если закупить деликатесов, съесть их за один присест, то завтра настанут голодные времена. И вот в таких условиях даже не знаешь, что лучше: пир перед апокалипсисом, а затем голодная мучительная смерть или мой выбор — тихое смиренное существование до часа X...

Стоп!

Раз неизбежное всё равно случится, то почему хотя бы немного не шикануть?

Но как?

Чем порадовать себя в таких условиях? Что у меня осталось из радостей?

Почти ничего.

Старые, затертые до дыр кассеты с «Красным карликом» и «Доктором Кто». Половина жареной курицы, которую надо побыстрее съесть, потому что в любой момент в моем доме отрубят электричество за неуплату.

Я с тоской оглядываюсь с целью зацепиться хоть за какие-то детали, которые могут временно наполнить мою жизнь смыслом.

Ни-че-го!

Всё тут опустело с уходом родителей. В тот кошмарный день, когда...

Зажмуриваюсь, а в голове уже мелькают кадры рокового вечера. Страшные раскаты грома. Черное враждебное небо. Я смотрю в окно и жду родителей с мыслью о том, что не стоило капризничать с тортом. Что, да, я хоть и королева сегодня, у которой день рождения, да еще и совершеннолетие, но можно было обойтись без десерта. Точнее, нехотя жевать шоколадный торт, который я самонадеянно вызвалась испечь. В итоге он вышел сухим и некрасивым. И я обиделась. Очень расстроилась своей криворукости. Папа убеждал, что десерт вполне симпатичный, но я упиралась, дулась и в итоге потребовала съездить за пирожными и другим тортом в кондитерскую...

Иисусе!

Вот мама и папа уже на подъезде к дому... Я спокойна. Я уже не злюсь, а чайник кипит, издавая веселый, даже торжественный свист, предвещающий праздник в честь меня — взрослой, смело глядящей в будущее, где всё хорошо. А в этом будущем — новые знакомства, путешествия, ну и, конечно же, любовь. Да, я готова полюбить. Какого-то симпатичного и веселого парня, с которым будет легко. С которым я испытаю то, что теперь уже официально и законно. Близость. Жар. Томительные игры под одеялом. Стоны. Страсть...

Бах! Бах! Бум!

— Эй, мисс Гастингс? — вздрагиваю от уже знакомого неприятного баса. — Смотрите, что я вам принес! Гляньте, а?

Бандитская рожа вернулась.

Проклятье!

Хм...

А вот теперь мне интересно. Как же он выглядит? Есть на его морде шрамы или нет? И, в конце концов, что он мне сделает, если так подумать? Я всё равно приближаюсь к концу света, поэтому нет смысла волноваться из-за какого-то наглого козла.

Выдыхаю и иду к двери легко. Даже до двенадцати не буду считать. Вот возьму и... и... гляну в глазок!

Умница

Вижу, что глазок потемнел.

Бинго!

Пугливая старуха всё-таки повелась на приманку, точнее, прикормку. Думаю, она голодает. Или питается чёрт-те чем. Может, ей соседи еду приносят и под дверь оставляют? Хрен знает. Но, видимо, с питанием у нее не сахар.

Поэтому сахар — самое оно. Большинство людей в мире любят себя побаловать сладеньким. Правда, я в их список не вхожу. Мне милее маринованные огурцы и голландская сельдь в масле...

— Вот, мисс, выбирайте! — продолжаю держать перед глазком веер из шоколада разного вида. — Тут есть молочный, черный. А вот еще белый с вафельной крошкой. Вкуснятина, эх! — забалтываю старуху и заодно завоевываю ее внимание. — Эх, я бы и сам съел это всё, потому что пипец какой голодный, но потерплю, дождусь, что вы выберете в подарок. Так что? Белый или молочный?

Тишина...

Или всё-таки я уловил слухом какую-то легкую поступь, а вовсе не тяжелое шарканье стариковское? Хм, странно... Ладно, буду ждать. Похоже, эта дамочка в силу психического расстройства тяжела на раскачку, и даже такие маленькие решения даются ей со скрипом из-за слабоумия.

Бинго! Опять!

Листик бумаги мягко зашуршал о порог. Наступаю на него мысом ботинка, словно ловлю добычу, чтобы та не ускользнула обратно в темное логово.

Неспешно, со спокойным видом нагибаюсь и беру записку, хотя у самого внутри всё так и клокочет от любопытства и победного чувства того, что первый контакт налажен. А это значит, что я, мать его, гений подхода даже к сумасшедшим и полоумным. И если старуха сейчас наблюдает за моими действиями, то пусть считывает в каждом из них степенность и уверенность в себе.

Ну, поглядим, что там...

«Я предпочту молочный. Оставьте его на пороге. Спасибо.»

Хм, слова выведены красивым, каллиграфическим почерком. Реально чудно! Я ожидал увидеть еле разборчивые каракули, написанные трясущейся треморной рукой. А тут... значит, эта женщина не такая уж ненормальная? Возможно, она интеллигентная и начитанная.

И это чертовски хороший знак!

Вероятно, в ее доме много раритетных книг и старинная классическая мебель, а не лабиринты из мусора, в которых снуют крысы и тараканы.

Я многое в жизни повидал. Разные объекты приходилось в порядок приводить. Иногда от вида помоев, вони и вреди-

телей меня в прямом смысле тошнило. Но ничего не поделаешь, есть и минусы. Но за такие объекты я прошу большой процент. Поэтому окупаю чувство омерзения фунтами на карте...

Что-то я подвис, отвлекся. Надо бы дать обратную связь, а затем уже проанализировать всё. Лучезарно улыбаюсь в глазок, делаю галантный поклон, демонстрируя удовлетворенность и признательность за ее отклик.

Эмилия

— Что за...? — в глазке видны сомкнутые пальцы, в которых аппетитно пестрят упаковками шоколадки. Лица бандита не видно. Хотя, если честно, он уже не кажется таким уж отморозком. Не поленился же, съездил за сладостями? Ну и пусть это всего лишь подкуп, плевать. Я не дура и держу в голове, что у него свой, меркантильный интерес относительно меня. Что он просто хочет в дом попасть. И выбрал вот такой способ умаслить.

А вот хрен ему!

Только через мой труп он через порог переступит. И здесь уже дело принципа, а не в моей болезни. Потому что он — наглец и хам. Но всё равно малость приятно... Меня миллион лет никто ничем не угощал.

Вот бы еще лицо его разглядеть.

Ниже лба ничего не видно, там конфеты маячат, и, к слову, вижу довольно ухоженные, опрятные руки с чистыми пальцами и ногтями. И по этим, вроде бы, незначительным деталям можно сделать кое-какой вывод. За дверью стоит молодой человек, который не по подворотням обретается. Вон, и прическа классная, видно, что стриг его мастер. А я думала, моим глазам предстанет бритая под машинку башка «Лишь бы не заморачиваться». Короче, похоже, я слепила неверный образ, потому что испугалась. Потому что он наг-

ло, вызываяще и дерзко начал. А уж потом накупил угощений-мелких взяток.

— Вот, мисс, выбирайте! — его голос звучит бодро и дружелюбно.

Ах-х-х, черт, я спалилась! Он точно знает, что я смотрю в глазок, а не где-то в уголке дома притаилась.

— Тут есть молочный, черный. А вот еще белый с вафельной крошкой. Вкуснятина, эх!

Да уберешь ты конфеты, рекламщик фигов, или так и будешь за ними скрываться?! За этой сладкой маской прятаться. Страсть как хочется его физиономию увидеть. Пусть даже и искаженную линзой глазка.

Так, ладно...

Надо что-то придумать. Нужно выбрать, одну или несколько шоколадок? Да, выходит, что так. Или я умру от любопытства прямо здесь и сейчас. Кстати, неплохой вариант финала в моей общей ситуации. Даже какой-то смешной это исход. И немного пикантный, со сладким привкусом, а не с горько-соленым, который постоянно во рту стоит и с каждым днем становится всё более концентрированным ядом.

Итак, какой способ выбрать, чтобы дать ответ?

Обычно я с трудом выдавливаю курьеру что-то из серии: «Оставьте, пожалуйста, у двери. До свидания.» Но тут другой случай. Я, опять же, из принципа не собираюсь выходить с ним на вербальный контакт. А-то еще подумает чего. Запишет в личные достижения короткий разговор. Мол, я за

шоколадку готова мило с ним чирикать за чаем.

— Нихрена подобного! Ничего-то у тебя не выйдет, придунок, — ловлю себя на ехидной улыбочке, пока быстро семеню в гостиную.

Приближаюсь к лакированному столу. Вырываю лист из блокнота, куда от скуки иногда пишу всякую ерунду. Выдуманные рецепты, список вещей и продуктов первой необходимости. Ну и иногда меня посещает муза стихоплетства. Но все они, стихи эти, какие-то грустные и даже пронзительные выходят. В общем, даже перечитывать не хочется...

Где же ручка, проклятье? Ага, вот и карандаш. Сойдет и он. Такс-с-с! Разминаю пальцы. В какой форме ему написать? Сдержанно-холодная отлично подойдет.

«Я предпочту молочный. Оставьте его на пороге. Спасибо.»

Да, всё-таки «спасибо» в конце нужно. Пусть знает, что я воспитанный человек и не отвечаю на грубость грубостью. В отличие от него — хама несдержанного.

Отлично, готово!

Ничего не убавишь и не прибавишь. Коротко и по существу. Я бы могла все шоколадки приказать оставить: он от этого не обеднеет, но тут опять же гордость играет, а вовсе не скромность в запросах.

На мысочках бегу обратно, стараясь не шуметь. А-то еще подумает, что я спешу дать ответ. Это не так. Я просто хочу на его лицо глянуть. Ну и как бонус — получить бесплатную

шоколадку к вечернему чаю. Почему бы и нет?

Просовываю мини-записочку под дверь...

— Твою ж-ж! — произношу неслышно, жадно цепляясь за черты лица, которые даже в искаженном и мутноватом от времени глазке кажутся...

Идеальными?

Улыбка у этого молодого мужчины настолько очаровательная, что мое тело мгновенно вспыхивает! А щеки наливаются румянцем странного смущения. Будто бы нас не разделяет дверь. Словно я стою перед ним.

Голая!

А он делает галантный легкий поклон. Такой, как бы насмешливый, отражающий капец какую уверенность в себе.

Постой еще немного на пороге! Дай мне возможность рассмотреть тебя получше! Но, нет, он уже развернулся и показал свою широкую спину. Он уходит, и всё, что я могу сделать, - это смотреть на удаляющуюся фигуру. Оценивать его высокий рост. Оценивать идеально сидящую рубашку с закатанными по локоть рукавами. Его походку расслабленную изучать...

— Нет-нет-нет! — яростно мотаю головой, сползая спиной по дверному прохладному полотну. — Заткнись! — мысленно кричу на себя в этой жалкой и ничтожной попытке унять то, что уже загорелось внутри таким ярким пламенем, что и пробовать тушить бесполезно.

Нет, мне хочется дуть на этот пламень. Чтобы он пронес-

ся огненным торнадо! Чтобы не осталось ни-че-го вообще. Потому что у меня итак ничего нет. Я уже пепел и угли? Нет, оказывается, я тлела. Долго-долго тлела. И почему-то в лихорадочную горящую голову приходит пословица «Нет дыма без огня»...

Будто бы этот совершенный мужчина сперва пустил в уключину едкий дым, чтобы выкурить меня из сторовшего дома, а затем окатил тем самым мягким и согревающим огнем, а вовсе не болезненным и оставляющим смертельные ожоги.

— Да хватит! — ору и хорошенько стучаю себя по лбу.

Что хватит-то, а?!

Думать о том, что у этого незнакомца лисьи зеленова-то-серые глаза, которые контрастируют с темно-русскими волосами? О том, что у него ужасно brutальные широкие скулы и при этом милые ямочки на щеках, когда он улыбается? Что голос у него низкий, глубокий, гортанный и вовсе не противный? Что нос у него прямой, аккуратный, а не грушей или картошкой, как я себе представляла?

Иисусе!

Я подскакиваю. Резко, быстро и рьяно поворачиваю замок. Спешно подаюсь вперед и хватаю вожаделенную, такую желанную и самую вкусную в мире шоколадку. Его подарок? Его взятку? Его шаг навстречу? Его знак внимания? Его подкуп?

Да насрать!

С жадностью голодного зверя сдираю упаковку. А мои пальцы такие горячие, что шоколад мгновенно тает, делается мягким и вязким...

Выпачканные пальцы и рот? О да, на это мне тоже плевать! Мне хорошо, жарко, томительно вкусно.

Как же тебя зовут, а, незнакомец?

Умница

Разворачиваюсь и иду в сторону приоткрытых кованых ворот... Которые бы не мешало починить, вообще-то. Вон, петли проржавели, и от этого ворота кренит вперед. Нехорошо, блин, такая штучная работа мастера по ковке двухсотлетней давности и в ненадлежащем виде. Подобным вещам нужен бережный уход. В противном случае, они в ржавую труху превратятся и останутся лишь на фотках в семейных архивах.

Да, я всегда подобное подмечаю и начинаю раздражаться. Когда старинные и изысканные вещи поломаны или нуждаются в реставрации, а всем плевать. Прямым ножом по сердцу — лицезреть такое. Потому что я еще и завистью пропитываюсь мгновенно. Вот у меня нет особняка и никогда не будет. Я ведь из семьи простых работяг. Не голубых кровей. Но, будь у меня дом, я бы за ним ухаживал. Пылинки бы сдувал и все силы вкладывал, чтобы сохранить всё так, как было задумано создателем. В саду бы с кайфом красоту наводил на досуге. Стриг бы кусты, даже цветы какие-то высадил, блин. Ага-ага, что-то типа ирисов или фиалок. Короче, синего или фиолетового цвета. Эти цвета меня в дзен вводят.

Эх-х!

Можно было бы, конечно, купить за недорого совсем разваленный дом. Но туда вбухивай и вбухивай бабло. Надо

жить в объективной реальности, а не в фантазиях, которые потом закончатся крахом мечтаний и недостроем.

Рассеянным взглядом прохожусь по каменному фундаменту изгороди. Хм, а я, в теории, мог бы починить ворота чисто из принципа и любви к эстетике старины...

Но какой в этом смысл?

Старуха всё равно не оценит. Ей плевать, что и сад, вон, весь зарос. Разруха тут и запустение, короче. Поэтому нет резона напрягаться. Пусть новые владельцы парятся, если захотят...

Черт, а если ими окажутся кретины, которые и глазом не моргнув спилят размашистые яблони и терновники? Что если эти кретины решат сделать из сада дурацкую лужайку с барбекю на манер янки?

ТЬФУ!

Будь моя воля, я бы все-все-все особнячки, дома и прочие классные постройки захапал бы в собственность. И занимался бы, например, гостиничным бизнесом. Чтобы окупать вложения. Но это всё опять пустые и нереализуемые мечты ужасного жадины, которым движет не столько желание разжиться баблом и ходить королем, а больше идеалы и ценности. Так сказать, сохранение Великобритании в том виде, который мне нравится...

Блин, я опять ушел с этими мыслями в себя так глубоко, что даже жрать захотелось. Чего-то жареного, перчёного, на огне. Мяса кусок с гарниром из молодого зеленого горошка.

Но где ж тут поешь? Это надо в центр ехать...

А может слопать шоколад, который старуха не выбрала? Нет, от сладкого у меня изжога, и настроение оно не поднимает, от слова совсем. Сую сладости в карманы пальто. Куда их теперь девать-то? Не выкидывать же? Наверное, задарю Татиане. Она та еще сладкоежка и совершенно не парится по поводу тучной фигуры.

Уже на самом выходе с участка оборачиваюсь. Молочный шоколад продолжает лежать на пороге, где ему составляет компанию лишь прошлогодняя жухлая листва. Да уж, подмести бы тоже не мешало...

Так, что мы имеем?

Вероятно, старуха не такая уж и запущенная. Может, она не костлявая тощая ведьма, похожая на смерть с косою, а вполне себе миловидная пухлая старушка в очках, которая каждое воскресенье крутит... как их там... эти... бигуди, точно. На серебристые локоны их наматывает. И похожа она на покойную королеву Елизавету.

А вот причина того, почему она стала затворницей, мне неизвестна. Да и не моего это ума дело. Главное, продолжить оказывать ей знаки внимания. Ведь она одинокая. Она, может, и живет изолированной от социума, но это не значит, что ей не нужна минимальная забота. Хотя бы в виде угощений. Тем более в такой непростой ситуации, когда она вынуждена продать дом и перебраться на старости лет в квар-

тиру или куда-то еще...

Блин, надеюсь, что мисс Гастингс не окажется на улице. От этой мысли как-то грустно становится.

Набираю Татиане.

— Привет, — иду в сторону моей девочки-Мини. — Слушай, а ты подобрала какую-то альтернативу старухе?

Блин, может я лезу не в свое дело, но совесть настойчиво шепчет о том, что это правильный вопрос.

— Какой еще старухе? — недоуменно спрашивает Татиана, которая, похоже, за рулем на шумной дороге.

— Соберись, Таниа, детка, я про особняк вещаю. Старухе ведь надо куда-то съехать. А она одна, походу, без семьи. Вот я и спра...

— Умница, постой-ка, — перебивает Татиана, вроде бы с насмешкой в тоне. — А чего ты вдруг решил, что там старуха живет?

Твою мать! Я в шоке сейчас!

— Не понял, — мямлю, не сразу попав ключом в зажигание.

— Вообще-то мисс Гастингс всего двадцать два года. Я пробивала. И точно тебе говорю, что ей до пенсии, как до китайской границы.

Ох уж эти ее русские идиомы. Почему китайская граница? Ладно, не суть...

Девушка? Совсем молоденькая?

Офигеть не встать!

В сердце что-то екает. Ага, это интерес проявился. И острое желание посмотреть, как эта девушка выглядит. Наверное, она — худой, бледный, запуганный заморыш с серыми волосами и прозрачными безжизненными глазами. Короче, блуждающий по дому призрак...

Смешанные чувства приходят какие-то насчет ее персоны. Жалость и одновременно с тем любопытство. Ну и, конечно, новые думки: в чем причина ее затворничества? Она ведь совсем молоденькая. Что так надломило ее? Что заставило бояться этого мира?

— Ты тут? — прерывает мысли Татяна. — Нет, об альтернативе мы еще не говорили. Я подумала, что это будет не ко времени. Что надо поступательно действовать. А с места в карьер прыгать не стоит. Не тот случай. Еще возьмет и передумает эта Эмилия.

Эмилия.

Красивое имя, благородное, очень изящное...

— Э-эй, Умница, ты чего опять виснешь? Короче, как дела? Так что там по нашей синей птице?

— Кхе, кхе, — прочищаю пересохшую глотку. — Всё нормалек. Первый контакт есть. Но, как ты сказала, лучше не спешить и действовать поступательно. Короче, оставь это дело мне. Гарантий не даю, конечно, но, кажись, не всё так плохо. Скорее всего, стар... — тьфу, никак не могу привыкнуть к новым подробностям. — Короче, девчонка в порядке. Да, перекосы есть, но она вроде в адеквате. Поэтому сделка

пройдет ровно.

— Это обалденные новости! Умница, ты просто Умничка! Ладно, у меня показ, давай, на связи.

— Ага, и подыщи ей какую-то нормальную квартиру. Хорошо? Я прошу, по-братски.

— Да не оставлю я ее на улице, Лукас-братишка. Я же не зверь. Дай время, всё решим.

Нажимаю «Отбой» и давлю на педаль газа.

Нет, ну офигеть! Есть что проанализировать на досуге...

Чертов досуг длиной аж в целых полдня!

Я не люблю и не умею сидеть без дела. С одной стороны, гиперактивность это хорошо. В работе пригождается. Но при этом я совершенно не знаю, как правильно отдыхать. Валяться на диване перед телеком — скучно и пустая трата времени. Лежать звездой на пляже и потягивать коктейли? Не-е-е, такой вид расслабона точно не для меня. Я жару плохо переношу и мгновенно обгораю. А вот задумать трип по разным интересным и самобытным местам — это кайф из кайфов, но, увы, на это нужен хотя бы двухнедельный отпуск, который я не могу себе позволить. Потому что привык держать всё под контролем. Потому что уверен: стоит мне вырубить телефон и расслабиться, как что-то пойдет не так. В общем, специфика работы накладывает свой отпечаток. Я ведь, как правило, всем нужен срочно. Меня как работника скорой помощи вызывают. И хрен поймешь, экстренно я нужен

или пациенту надо всего лишь перестать психовать, и тогда у него давление выровняется.

И в личной жизни то же самое. Я мало кому доверяю. Наверное, здесь всё дело в болезненном опыте родом из детства и из подросткового возраста... Меня в школе буллили, и, так называемые, друзья предавали. Было дело.

Сейчас по мне ни в жизнь не скажешь, что в школьные годы «чудесные» я был рыхлым и несуразным. Вот серьезно говорю: жир реально внешне уродует мужиков. Это когда, вроде как, парень с симпатичными и даже красивыми чертами лица, а щеки, второй подбородок и складка на пузе — всю картину портят. И тошно, и грустно, и обидно пиздец как. А ведь в подростковом возрасте жечь как жрать охота. Не можешь ты себя сдерживать и лупишь вредный хавчик как не в себя. А потом стоишь перед зеркалом и блевать хочется, честное слово!

Короче, девчонкам я не сильно нравился. А мне, как назло, нравились самые красивые цыпочки. И, разумеется, путь к их прелестям мне был априори закрыт. Вот такая страшная ловушка. Наверное поэтому я никому не могу открыться. Будто люди могут распознать во мне того закомплексованного рыхлого парня и непременно высмеют за слабости. Фу-у!

По идее, мне бы с этой хренью к психологу сходить, но неохота рыться с этой их гештальт-терапией в прошлом. Прошлое всё равно не изменить, а будущее вариативно. По-

этому, лучше жить здесь и сейчас — вот что я думаю.

А здесь и сейчас я сижу и скучаю в рестике. Нет, не так... на меня какая-то меланхолия непривычная нашла. Размазало меня, а мысли то и дело хотят сосредоточиться на Эмилии Гастингс. И моя душа вяло, но эффективно сопротивляется. Она не хочет просыпаться и побаливать. Ей это ни к чему. Потому что в работе чувства и эмоции неприемлемы, и точка.

Такс, ладно, надо заказать бодрящего кофейку и сфокусироваться на четком и расчетливом плане относительно попадания в дом к девчонке. Тут не стоит тормозить на поворотах и следует продолжить мягко... ну или грубо, в зависимости от обстоятельств, в общем, но напирать на нее.

— Эй, друг, принеси эспрессо, будь добр, — машу официанту.

Что же, что же, что же... предпринять? Тарабаню пальцами по столешнице.

Сухо и по фактам:

1) Девчонка в целом соображает. Как бы выразилась Татиана, Эмилия дееспособная.

2) Девчонка, возможно, голодает. Поэтому, возможно, она приняла шоколад.

Эх, а может, она и вовсе истощена? Может, от нее одна кожа да кости остались? И она не врала Татиане, когда говорила, что болеет?

Проклятье!

Нет, так не пойдет, черт! Я подскакиваю с места и знаком показываю официанту немедленно меня рассчитать. Хрен с ним, с кофе. Обойдусь. А вот если с девчонкой что-то случится, то это будет меня мучить потом всю жизнь. Будто я мог что-то сделать, но не сделал. И если всем на земле нет до Эмилии никакого дела, то это не значит, что я должен курить в сторонке и оставаться безучастным к страданиям живого существа. Человека.

Лезу ли я туда, куда не нужно?

Да насрать мне! Здесь речь может действительно идти о жизни или смерти. И вовсе не в переносном, а в самом наипрямейшем смысле. Поэтому, как знать, может быть, моя карета скорой помощи прилетит не на ложный вызов или на какое-то недомогание, а по экстренному случаю.

— Где же ты, ну..., сука, где-где-где? — тыкаю в карту на телефоне, пытаюсь вспомнить, где находится тот крутой магазин фермерских продуктов.

Ведь девчонке нужна нормальная, полезная еда, а не дерьмо, которое любят янки. Так что пусть только меня дождетсЯ. Я быстрый ведь — метнусь туда-обратно и назад сверчком зеленым.

Только дождись меня, Эмилия, прошу!

Эмилия

Твою ж... мать!

Вздрагиваю от громкого, настойчивого стука. Что случилось? Какой-то наркоман заявился на порог и хочет поменять украденные вещи на деньги? У него адская ломка, и он теперь ходит от дома к дому с целью добыть наличные?

— Эй, Эмилия?

Снова бах-бах-бах.

— Дуй сюда, слышь? Немедленно!

Я мгновенно покрываюсь мурашками.

Он!

Это точно ОН!

Иисусе, Божечки, Святые угодники!

Быстро оглядываю себя... Но зачем? Я ведь всё равно ему не открою. Я поклялась не делать этого, даже если потоп или пожар случится. Да уж, видок у меня не шикарный. Заношенная футболка, пижамные штаны, а на голове — настоящее гнездо. Эти рыжие волосы, кудрявые иногда, просто бесят! Их уложить нереально. Это, наверное, единственное во мне, что непослушно. Пай-девочка с волосами настоящей чертовки, блин. А может, у меня еще губы измазаны шоколадом? Судорожно вытираю рот.

Но опять же, заче-е-ем?

Я не собираюсь ему открывать, даже если сейчас на пла-

нету летит астероид, и хана всему живому.

Стоп!

Замираю у дубового трюмо. Тон, обращение, само произнесенное имя «Эмилия». В незнакомце будто что-то изменилось. Словно он что-то разведаль обо мне и стремглав прилетел вовсе не для того, чтобы попасть в дом для работы, а с какой-то иной, совершенно другой целью. И теперь требует отозваться, снова выйти на контакт по какому-то архиважному делу.

Но какому?

Я ведь его не знаю. Он меня — тоже. Нас ничего не связывает. Ладно. Собралась и выдохнула, живо! Расправляю плечи, желая выглядеть гордой, уверенной.

Шуршу носками о деревянный пол. Мыслей — ноль. Привычного страха тоже нет. Паническая атака спит где-то глубоко. Ну и хорошо, не хочу я с ней снова обниматься, совместно проваливаясь в мрачную и тревожную бездну.

— Эмилия, слышишь? Я не прошу мне открыть, просто... Боже, — он произносит эти слова как-то обреченно, когда я льну к глазку, а подушечки пальцев изучают фактуру дверного полотна.

В этот раз я не чувствую жадности, когда смотрю на него. Теперь во мне спокойное созерцание. Даже любование.

Как же тебя зовут? Признавайся!

— О, ты тут! Слава-те, господи! — он увидел тень в глазке и всё понял. Он кладет руку на грудь и выдыхает с огром-

ным облегчением. — Ты меня реально напугала, в следующий раз будь порасторопнее, окей? Вот, — он наклоняется и поднимает какую-то огромную корзину. — Зацени, че я тебе приволок! — переводит взгляд на плотно набитую продуктами плетеную вещь. — Короче, я не знаю, чего ты любишь, но тут колбасы, разные сыры, домашние вафли, соки свежевыжатые, молоко, йогурты, утиный паштет и черт его знает, че еще туда фермер насовал. В общем, это тебе, — он ставит корзину на порог. — Если чего-то еще надо, то напиши записку, я тут подожду. А если ничего не надо, то просто стукни в дверь. И я буду знать, что с тобой всё в порядке.

Я смотрю на свой кулак. Рука дрожит, а по щекам текут светлые слезы. Да это не слезы потери, одиночества, ненависти к себе. Это отражение тихого счастья.

Я не знаю, что со мной...

Я готова раствориться в этом моменте, сделаться талой чистой водой. Выплеснуться из проклятого морозильника и пропитать собой сад, траву и яблони, которые я не видела уже три года...

Нет, это не взятка. Это забота. Внимание. Эмпатия. Он никакой не бандит, да грубиян, но в этом есть какой-то даже особенный шарм. И я приму от него дары, которые еще и полезные. Приму с удовольствием, нет, наслаждением!

Но и просто стукнуть я не могу. Этот мужчина достоин большей благодарности.

Бегу к столу. Очень спешно вырываю еще один лист из

блокнота.

«Я очень благодарна. Как вас зовут?»

Почти не думая над тем, что написала, несусь обратно, в прихожую. Записка не сразу, но всё же проскальзывает во внешний мир...

Его лицо становится не таким сосредоточенным и напряженным. Оно смягчается и выглядит еще более красивым.

Он быстро читает. И на его щеках снова видны ямочки, за каждое появление которых я продамса самому черту!

— Ну значит, будем знакомы, — он протягивает руку к глазку и потешно изображает дружеское рукопожатие. — Меня зовут Лукас Тёрнер. Можно просто Лукас, если че. Запомнила?

Стукаю о дверь два раза.

— Ага, понял, Ли, — улыбается он и чешет идеальную скулу. — Это как азбука Морзе или типа того, а? Один стук «Нет», два стука «Да», я правильно просек тему?

Правильно. А ты, Лукас Тёрнер, еще и далеко не дурак? Стучу два раза. Угу, меня такой способ общения очень даже устраивает.

— Слушай, не буду тебя смущать. Короче, я сваливаю, а ты не тяни, забери это, а то испортится. И давай-ка ешь там нормально, а я завтра подскочу, окей? Напиши завтра список, если че еще надо.

Скулы сводит от широкой и очень долгой улыбки!

ОН придет! Завтра!

Приподнимаюсь на мысочках и нежно прикасаюсь губами к глазку, словно.. к щеке Лукаса Тёрнера.

Умница

Я ваще-то редко когда делаю нечто бескорыстное. Как-то встретила мне одна теория то ли ученого, то ли философа, что такого понятия, как бескорыстие, не существует. Мол, даже если человек занимается благотворительностью, то он этим самолюбие тайно или в открытую тешит. Статус этим зарабатывает. Типа, как не на бабле завязанный, а более высокий с точки зрения небесной канцелярии.

И вот теперь я даже не знаю, как внутренне реагировать на то, что сделал на порыве... Че, надо гордиться собой за благородство жеста или стоит запихнуть это себе в одно место, да поглубже?

Черт!

В моменте я себя круто чувствовал, мне было приятно купить девчонке Ли, ага, так ее буду коротко называть, короче, кайфово было проявить заботу. Мало ли, может, оно ей сейчас правда нужно.

Точнее, судя по реакции, пипец как надо.

Она ведь дала новую обратную связь в виде перестукиваний и второй записки, которую я за каким-то хреном решил сохранить. Первую-то я выкинул. А вторую пожалел. Она, типа, как более душевная, что ли...

А-а-ай, да черт меня подери!

Но теперь я протрезвел от этого порывистого проявления

милосердия и гуманности. И чего делать со всем этим, а?

Первое — я нарушил свое же правило не сближаться с клиентами и заказчиками. Потому что задушевных бесед мне с них не надо. Достаточно положительных официальных отзывов и рекомендаций другим. А тут я, нахрен, дал слаби-ну и зазнакомился с девчонкой. И чего? Мы с ней кто друг другу? Знакомые или типа того?

Второе — я ей пообещал прийти снова. По идее, так и должно быть по плану финального попадания в ее дом. Но всё пошло по иному руслу. И я, вроде как, теперь должен за ней присматривать? Опекать девчонку?

Хотя в итоге она лишится дома. Это неминуемо станет для нее потрясением. И выходит, что я к этому причастен. Короче, сюр какой-то. Не хочу я быть злодеем, который втерся в доверие и в итоге изменил ее жизнь в худшую сторону. А со стороны, это так ведь и выглядит, черт!

Третье. Точнее, дилемма о двух неприятных концах. Вернуться в чисто деловую плоскость и продолжить давить на девчонку? Рассказать, каков будет итог ее заточения? Закошмарить ее судебными повестками и приходом полиции и потерей родового гнезда?

Блядь!

Аж самого воротит от мыслей и старой стратегии, которая, впрочем, отчасти дала кое-какие плоды. Игра в злого и доброго полицейского хоть и не распахнула двери перед моей наглой рожей, но через щелочку пошло-таки движение

воздуха в спертom доме, куда можно попасть только властными органам с их значками или постановлениями.

И какой второй вариант? Продолжить навещать ее чисто из жалости, и чтобы совесть свою обелить перед небесами? Прикинуться внимательным и добросовестным медиком? Следить, чтобы «пациентка» держалась за эту жизнь?

Ну-у-у, нет!

Это не моя зона ответственности. Я и собаку-то себе не завожу, потому что не хочу видеть, как она состарится и помрет. К тому же собак надо выгуливать и кормить. А с моим графиком это проблематично — сам ем как попало и гуляю раз в сто лет. Потому что на созерцание природы жалко времени. Ну, если бы это был мой сад, то тогда да. А не общественный парк или лес с дорожками для пробежек. Короче, я хочу быть сам себе хозяином. Точка!

Но как тогда быть-то, а?

Обещание — есть обещание, и завтра я должен прийти к девчонке. А она сто процентов будет ждать. И в зависимости от того, сколько в ней наглости, может забубенить огромный список из своих нужд. Да-да, это сейчас она, вроде, скромная, но люди любят садиться другим на шею погонять. А я не нанимался ей в курьеры. Как-то она до того выкручивалась, вот пусть таким же способом добывает еду и прочее.

Но...

Опять же, у нее долги. А значит и катастрофа с деньгами? Да чтоб мне провалиться!

Какая-то неразрешимая задачка, где рациональный и иррациональный подходы, — оба для меня негативные и налагающие обязательства за слова и поступки. А я не хочу быть ни дьяволом, ни ангелом-хранителем.

Мину-у-уточку...

Спрыгиваю с барного стула, на котором вконец изъерзался. Пойду-ка пройдуся. Кажется, в моей умной голове что-то типа разумной мысли замаячило.

Эмилия

— И мне не нравится это «Ли», — фырчу, намывая посуду. — Ты, конечно, молодец, что помог забить холодильник, но это ничего не значит, понятно, Тёрнер?

Глупо ужасно, но мне не хочется слушать тишину, которая сегодня тяготит, а вовсе не является привычной и надежной.

— Кстати, можешь не приходить завтра. Я не расстроюсь...

Вот лгунья!

— Нет, ни хрена. Ни одной секундочки не буду переживать, если ты просто так это ляпнул. Поверь, Лукас Тёрнер, мне есть чем заняться...

Ага, и чем? Просмотром старых кассет или чтением книг?

— Да, книги читать полезно. Особенно классику. Но ты, конечно, предпочитаешь сидеть в соцсетях, Тёрнер. Мусор листать, где одни сплетни, грязь и перемывание костей. Где все друг другу завидуют, и поэтому хотят казаться богаче, увереннее, успешнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.